

ВСЕРОССИЙСКИЙ СМОТР РАБОТЫ
ТЕАТРОВ С МОЛОДЫМИ АРТИСТАМИ

ЧЕТЫРЕ РОЛИ ТАТЬЯНЫ

ЭТОТ эпизод в «Охоте к умножению» (пьеса Д. Валеева) очень важен. Он не просто для того, чтобы как-то начать действие, построить завязку конфликта. Он — как нравственный эпиграф по всему, что произойдет дальше. В нем заострена главная мысль авторов спектакля: ложь, предательство, корысть могут прикрываться благопристойностью, но тайное нужно сделать явным и виновный должен отвечать перед самым строгим судом — перед судом человеческой совести.

Этот суд наступает для всеми признанного и уважаемого ученого Арсланова в день его юбилея, в апогее славы. И начинается он того, что к Арсланову приходит взять интервью молоденькая журналистка, роль которой играет Татьяна Краснопольская. Ясный, детский непосредственный взгляд, беззащитные какие-то кудряшки, сумочка, небрежно перекинутая через плечо. Но существом наивным, беззаботным героиня Краснопольской выглядит лишь сначала, она только в первые минуты смущена и робеет перед блеском титулов и степеней Арсланова. Но следом за этим возникает ситуация, наполненная глубоким смыслом, очень «значачая» ситуация: молодость страны, сегодняшний человек, убежденный в принципе необходимости правды, требует ответить, честным ли было прошлое Арсланова, его путь к славе. Журналистку не интересуют плоские факты, тем более отвергает она юбилейно-дежурные фразы. Она хочет знать действительную суть и, прежде всего, выяснить, обеспечено ли духовными, человеческими ценностями существование Арсланова и дела, которым он занят.

Разоблачение Арсланова, предавшего своего учителя и охваченного страстью, «охотой» к умножению незаслуженной славы произойдет потом. Но разговор с Журналисткой — как знак неизбежной расплаты и раскалывания. Внутренняя потребность в полной искренности, лежащая в основе характера, созданного Краснопольской, становится тем идейным, эмоциональным настремом, который подхватывают другие актеры.

ВРЕМЯ действия в «Охоте к умножению» — наши дни. А в спектакле С. Гановского «Год в тысячу дней» актрисе нужно было найти нечто близкое себе в людях эпохи, уже ставшей Историей. Нужно было почувствовать безмерность страдания человека на войне и неудержимую радость, когда пришла победа. ...Словно прямым попаданием пробитое пространство сцены с изломанными краями передней кирпичной стены — за ней разрываются события тех взорванных войною лет. А в глубине не-

ясные, как сон, как давнее воспоминание видятся прифронтовая лунная ночь, спасенные города Европы (художник Ю. Лантионов).

Героиня Т. Краснопольской, вчерашняя школьница Варя, оказалась на захваченной врагом земле. Огромная беда сделала ее взрослой и серьезной, она внутренне сжалась. Но не сломилась. Актриса точно передает скованность, даже от-

решенность Вари — ведь одна мысль, одно желание осталось в душе героини: уничтожить врага. Татьяна Краснопольская, точно расставив психологически конкретные, бытовые акценты, играет народный характер. Но в этом спектакле у нее в общем-то две роли. Определенно не говорится, что Варя ушла на фронт, и когда на сцене появляется девушка-регулировщица, тоже исполненная Краснопольской, это уже другой образ, образ-символ (таков он, видимо, и в нашем представлении о войне).

Эпизод сыгран Краснопольской, что называется, на одном дыхании. Это регулировщица на победной майской дороге, и в каждой интонации ее радостно звенящего голоса, в веселых озорных глазах, во всем юном облике девушки — бытие через край счастье оттого, что кончается война, что скоро не пороховая гарь, а запахи сирени будут в мирном воздухе, что начинается жизнь и любовь.

ЕЩЕ ОДНА «военная» роль Татьяны — Галия Четвертак, самая молодая из пяти героинь спектакля «А зори здесь тихие...», совсем еще девочка. Задача перед актрисой стояла сложная: Галия еще несостоявшийся человек. Детская игра в таинственные истории, в привидения, неумная фантазия и столкновение с «реальностью, оказавшейся жестокой» — вот и все, что поначалу сказано о ней у Б. Васильева. А старшина Васков на последнем своем пути, когда являються ему тени погибших девушек, увидев Галию, ничего не про-

износит, он только плачет, страшно как-то плачет, так плачут по умершему ребенку. Личность не успела сложиться, но характер надо было играть живой, полнокровный. И от эпизода к эпизоду актриса обнаруживает в героине за ее настороженной недоверчивостью напором с тягой к людям, затуманенными мечтами — шемическую тоску по материнской ласке, незнакомой Гале, подкидышу, детдомовке. Эта боль — то слабее, то явственней, печальными становятся Галины глаза. Она выплескивается в отчаянном предсмертном: «ма-а-ма!», неожиданно осветившем трагические глубины образа.

ДВЕ «по отдельности» вполне удающиеся ей манеры игры — бытовую и обобщенно-символическую — предстояло Т. Краснопольской соединить в Кристине из спектакля «Средство Макропулоса» (по К. Чапеку). Пьеса Чапека — это философская притча о том, как оценивать жизнь человека, достоин ли он бессмертия — награды за величие мысли и духа. Играть в притче не просто: внутреннее содержание образа философски-обобщенно, а поведение героя имеет очень конкретные человеческие черты. Важно не потерять авторскую мысль. Органическое единство двух этих начал не всегда получается у Т. Краснопольской. Но место образа в философском размышлении Чапека выявлено ею четко и последовательно.

Никто из других персонажей не достоин бессмертия: они воплощают либо своеволие, либо стяжательство, либо слепые беспочвенные мечтания. Но может быть, молодость достойна его? В Кристине Т. Краснопольской — красота и очарование юности, безоглядная преданность любимому, ей страстно хочется жить в прекрасном мире искусства. Однако бессмертие — тоже не для нее. И не потому только, что юность редко думает о смерти, но сама юность затем человека, чтобы он увидел красоту и сложность жизни и выбрал свой путь: юность не продолжается вечно.

ТАТЬЯНА молода, но уже не первый сезон играет на профессиональной сцене. И в каждой роли — а мы рассказали только о четырех — она стремится подобно большинству своих героинь к предельной искренности, правде. Образы, созданные ею, многозначны: не просто юность человека, но и его глубокая духовная жизнь и непримиримость к опощлению ее, — вот сознательная установка, направление поисков собственной неповторимой актерской индивидуальности.

Хорошо, что художественное руководство театра это понимает.

Валентин ИНЮТИН.